

В. Ф. ХОДАСЕВИЧ

О пушкинизме

Несмотря на всю свою славу, Пушкин при жизни не был достаточно глубоко оценен даже наиболее проницательными из своих современников. Он был любим и ценим как прекрасный лирик, как непревзойденный мастер стиха и слова — не более. Чаадаев все-таки смотрел сверху вниз на его «изящный гений». Даже Жуковский с высоты своего переводного мистицизма считал его чем-то вроде гениального ребенка. Его истинный удельный вес и его значение далеко не постигались, как сам он, в сущности, не постиг, что такое Гоголь. Это не все: будучи о себе весьма высокого мнения, он все-таки сам себя тоже недооценивал. «Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь», — эти слова вполне можно было бы применить к нему самому.

Он был еще жив, когда в довольно широких кругах читателей и критиков с ним начали сравнивать (и не всегда в его пользу) таких авторов, как Бенедиктов, Кукольник. Уже самая возможность сопоставлять эти имена показывает, до какой степени не понимали, о ком и о чем идет речь. В той или иной степени это непонимание продолжалось около полустолетия. Порой, как у Писарева, оно принимало размеры и формы чудовищные. Лишь после знаменитой речи Достоевского¹ Пушкин открылся не только как «солнце нашей поэзии», но и как пророческое явление. В этом открытии и заключается неоспоримое историческое значение этой речи, весьма оспоримой во многих ее критических частностях. Нисколько не удивительно, что, прослушав ее, люди обнимались и плакали: в ту минуту им дано было новое, необычайно возвышенное и гордое понятие не только о Пушкине, но и обо всей России, и о них самих в том числе.

Именно Достоевский установил, что Пушкин еще не понят, что понимание это есть еще дело будущего. Для понимания Пушкина открылась необходимость его наконец прочесть и изу-

читать. И хоть это никем не было сказано, именно в этот день было предрешено возникновение науки о Пушкине. Однако понадобилось еще лет двадцать, чтобы она обосновалась более или менее прочно. Начало научного, планомерно работающего пушкинизма надобно отнести примерно к концу минувшего — к началу нынешнего столетия.

Чтобы понять писателя, надо его прежде всего правильно прочесть. Весь пушкинизм как область положительного знания и есть не более как вспомогательная дисциплина, стремящаяся обеспечить возможность этого правильного чтения, необходимого для понимания и ему предшествующего. Самое же понимание, толкование эстетическое и философское, уже выходит за пределы того, что зовется собственно пушкинизмом. Больше того: фактически дело до сих пор складывалось так, что весьма выдающиеся пушкинисты чаще всего оказывались весьма слабы, как только из области изучения текста и биографии переходили они в область оценки и толкования. Их чисто научные заслуги этим, однако ж, нисколько не умаляются.

Чтобы понять писателя, надо его прежде всего правильно прочесть. Для людей неосведомленных эта задача кажется чрезвычайно простой: надобно только взять полное и хорошее издание Пушкина — и читать. В действительности дело обстоит неизмеримо сложнее: во-первых, это «полное и хорошее» издание должно еще быть создано. В последние три десятилетия появился ряд изданий, в той или иной степени приближающихся к «хорошему», но еще весьма далеких от идеала. «Канонического» издания Пушкина не существует — ни в отношении состава, ни в отношении текста. То, что до сих пор в этой области достигнуто, своим существованием обязано именно пушкинизму, но работа, в сущности, только еще начата... Она-то и составляет одну из главнейших задач. Собрать все написанное Пушкиным и отместить все, что ему неправильно приписывается; дать полный и верный текст, освобожденный от опечаток, от цензурных и, так сказать, авторцензурных пропусков, сделанных самим Пушкиным под давлением тех или иных жизненных обстоятельств, от наслоений и поправок, сделанных то друзьями Пушкина, то его первоначальными, а отчасти и последующими издателями, — вот основная задача. На пути к разрешению она наталкивается на великое множество затруднений, отчасти практического, отчасти методологического свойства. Было бы слишком сложно перечислять здесь все виды таких затруднений. Я ограничусь тем, что укажу хотя бы одно из главнейших. Дело в том, что многие произведе-

ния Пушкина существуют в нескольких редакциях, относящихся к разным годам. Какую редакцию предпочесть? За раннюю говорит то, что она дает произведение в том виде, как оно непосредственно вылилось в эпоху его создания. За позднюю — то, что она представляет собою произведение таким, каким в конечном счете хотел видеть его сам Пушкин. И та и другая точка зрения имеют свои основания, обе так или иначе правильны. Устранение таких и тому подобных затруднений требует и всестороннего обсуждения, и подчас кропотливой работы. Этой работой и занят пушкинизм в первую очередь. За ней, однако же, открывается другая, не менее сложная и обширная.

Совершенное поэтическое произведение именно тем совершенно, что оно содержит в себе ровно все то, что должно содержать: к нему ничего нельзя прибавить, от него ничего нельзя отнять. Таковы и суть в огромном большинстве творения Пушкина. Как эстетические данности они не требуют комментария и были бы несовершенны, если бы его требовали. Но это только о творениях. Другое дело — творчество. Совершенно особый, новый смысл вещи обретается всякий раз, как нам удастся проникнуть в глубину самого творческого процесса. Тут порой открываются нам как бы вторые, третьи, четвертые, уходящие в глубину пласты мысли и чувства, скрытые чаще всего по причинам художественной экономии, а иногда — по причинам личного характера. Проникнуть внутрь творческого процесса, как бы дохнуть воздухом, которым дышал Пушкин, проследить ход его мысли, угадать чувство, не только открыто вложенное им в стих, но иногда и утаенное, — все это совершенно необходимо для того, чтобы понять Пушкина во всей полноте. Но сделать это мы можем только в том случае, если будем иметь подробнейший комментарий к его стихам и прозе. Опять-таки — это достижимо только тогда, когда мы в точности и в подробности будем знать его жизнь.

«Творчество писателя нельзя изучать вне связи с его эпохой и биографией». Эта истина, неоспоримая вообще, оживает для нас, озаряется новым светом, когда дело идет именно о Пушкине. События его личной жизни, большие и мелкие, события характера политического, общественного, литературного — все находит в его писаниях отклик ясный и непосредственный. У него творчество связано с жизнью, как, может быть, ни у какого другого писателя.

Пушкин «читал жизнь свою» «с отвращением». Мы перечитываем ее с умилением, — не потому, что мы, по великодушию и мудрости своей, что-то там научились «прощать» Пушкину,

но потому, что и прощать нечего: прощать Пушкину его жизнь так же нелепо, как прощать его стихи. Только в слиянии с этой жизнью, ни с какою другой, могла создаться эта поэзия, неотделимая от нее ничем. Нельзя понять эту поэзию во всем объеме и во всей глубине, не изучив и не поняв эту жизнь.

Работа по изучению пушкинской биографии стала второй, столь же важной отраслью пушкинизма, как исследование его текста. За последние тридцать лет в этом направлении сделано очень много: Пушкин, каким мы знаем его теперь, далеко не совпадает с тем Пушкиным, какого воображали себе минувшие поколения и даже его современники. Дело не в том, «лучше» или «хуже» настоящий Пушкин воображаемого, — дело в том, что это два разных лица и что это обстоятельство открывает нам много нового в самой его поэзии. Однако же, как много мы ни узнали о Пушкине, — неясного и неразрешенного в его жизни остается еще чрезвычайно много. Действительно полной и хотя бы в отношении фактов бесспорной биографии Пушкина не существует, — ее еще и не может быть. О многом мы можем еще лишь догадываться, ряд вопросов должны оставить открытыми вплоть до того момента, когда, быть может, удастся пролить свет на темные места пушкинской биографии.

Мне нет надобности пояснять читателю, что пушкинская работа совершается без заранее предустановленного плана. Разработка отдельных вопросов пушкиноведения всецело зависит от личных пристрастий исследователей и от такой ничем не предусмотренной случайности, как находка новых документов. Эта, так сказать, анархия пушкинистского производства имеет большие достоинства, ибо она открывает свободу индивидуальному творчеству исследователей. Ее недостатки заключаются в том, что некоторые области подолгу остаются неразработанными во все, а также в том, что она же порой родит среди пушкинистов нездоровое соревнование, род конкуренции, бросающей тень на самых ученых и на то великое дело, которому они служат.

Дурную услугу пушкинизму (или, вернее, пушкинистам) эта анархия оказывает также в глазах широкой публики. Не имея охоты и времени следить за совершающейся работой во всем ее очень большом охвате, читатели видят перед собой лишь ее случайные отрывки, вызывающие нарекания и досаду своей кажущейся мелочностью. Отсюда — непрестанные упреки в пресловутом «гробокопательстве». В действительности никакого гробокопательства в пушкинизме, разумеется, нет. Чем громче кто-либо кричит об этом, тем яснее он обнаруживает свою просто

непосвященность. Известная пристальность, пристрастие к разработке частных и деталей, даже порою мелочность, оправданы в пушкинизме не только естественным желанием узнать и выяснить жизнь Пушкина во всех подробностях, не только психологически слишком понятным увлечением исследователей, но и самим существом дела. Сама практика пушкинизма доказала неопровержимо, что сплошь и рядом малейшая деталь, едва заметная мелочь вдруг проливает свет на вопросы большой важности. Пренебрегать этими деталями в особенности не приходится теперь, когда пушкинизм находится еще в стадии накопления материалов, когда пора общих выводов и широких обобщений еще далеко не настала. Сейчас еще драгоценно решительно все, что относится к Пушкину и его окружению, ибо конечная ценность каждого отдельного сведения еще не может быть определена.

Я, однако же, погрешил бы против истины, если бы не признал, что порой мелочность и детализация действительно достигают крайности. Случается, что исследователь теряет уже чувство меры и пускается в рассуждения о таких частностях, о которых можно сказать с уверенностью, что они никогда никому не понадобятся. В последнее время такие пушкинистские эксцессы нередко наблюдаются в работах молодых работников, пребывающих в СССР. Для примера я укажу на работу г-жи А. Л. Вейнберг, напечатанную в первой книжке сборника «Звенья». В собрании Исторического музея г-жа Вейнберг нашла портрет офицера с надписью: «К. Булгакову — К. Данзас». В описи портрет значится как портрет Булгакова. Это — явная ошибка. Портрет изображает Данзаса, лицейского товарища Пушкина и его секунданта на роковой дуэли. Достаточно было бы вкратце выяснить происшедшее недоразумение и напечатать портрет, представляющий несомненный интерес для биографов Пушкина. Не тут-то было. Г-жа Вейнберг не только пускается в пространные рассказы об общеизвестной военной карьере Данзаса: она еще подробно рассказывает прежде всего о том, что К. Булгаков, которому подписан портрет, не есть знаменитый петербургский почт-директор, Константин Яковлевич, а его племянник, Константин Александрович. Этого мало. Тут же повествуется подробно о петербургском доме К. Я. Булгакова — именно по той причине, что К. Я. Булгаков не имеет к данному портрету никакого отношения. Далее сообщаются подробнейшие сведения о Косте Булгакове, ничем не выдающемся офицере, которого Пушкин в глаза не видывал и который только тем замечателен,

что Данзас случайно подарил ему свой портрет. Этому рассказу посвящено десять страниц. Даны портреты обоих Булгаковых и, наконец, портреты сестры Булгакова и ее мужа П. Д. Соломирского. Конечно, все это — современники Пушкина и люди его круга. Но при таком методе рассказывания пушкинизму грозит опасность разбухнуть до невероятных и необъятных пределов. Если рассказывать о Соломирской, то почему не рассказать о ее муже, который был незаконным сыном Колтовской, той самой, в которую был влюблен Павел I, а затем Державин и история которой была одним из толчков к преобразованию Сената? По сему поводу можно бы рассказать об учреждении министерств и дать портрет и биографию Александра I, портреты Наполеона, Робеспьера, Людовика XVI и т. д. и т. д. — вглубь веков. Нельзя и не надо превращать науку о Пушкине в отыскание причины всех причин, — иначе по любому поводу придется доходить до сотворения мира.

Помимо частных, индивидуальных причин (неопытность, слишком «спортивное» увлечение, наивное подражание старшим, пристальность которых гораздо больше соответствовала существу дела) такие комментаторские преувеличения молодых советских пушкинистов имеют причины общего характера. В советской России литературоведение подчинено обязательному марксистскому подходу. Понятно, что для людей, действительно любящих Пушкина, говорить о нем с марксистской точки зрения неуможно, да и давно уже сказано все, что можно было сказать. Поэтому советскому пушкинизму ничего не остается, как ограничиваться накоплением и регистрацией фактического материала, благо открытые большевиками архивы дают много к тому возможностей. Никакие рассуждения, никакие обобщения и выводы там сейчас невозможны, ибо при сей okazji тотчас обнаружился бы немарксистский подход исследователей — и их работа была бы пресечена в корне. В сборниках и журналах, которые отчасти ради синекуры, отчасти для надзора редактируются Луначарскими и Каменевыми, о Пушкине говорить по существу, изнутри — нельзя. В таких обстоятельствах кропотливейшее описание архивных данных, сопровождаемое кропотливейшим реальным комментарием, есть единственная лазейка, в которую пушкинисты и кидаются один за другим. Это — единственное прикрытие, в котором они еще могут продлить свою жизнь. С моей стороны было бы слишком нехорошо выдавать эту их тайну, но я этого и не делаю, ибо по части чтения в сердцах большевики люди опытные. Они уже сами поняли, в чем тут дело,

и уже недалеко то время, когда все прикрития пушкинистов будут разрушены. Пушкинский Дом уже наводнен коммунистами, переименован и в значительной мере парализован. В первой книжке сборников «Литературное наследство», издаваемых вапповцами, имеется предисловие, в котором прямо говорится, что пушкинистский комментарий, созданный школой Саитова-Модзалевского, не может быть терпим далее: «такой комментарий, выдержанный в духе внеклассовой, аполитичной, «чистой информации», уводит в сторону от социальных проблем, затушевывает классовую борьбу в литературе». Следовательно, такому комментарию, последнему прибежищу пушкинизма, приходит конец. Он будет ликвидирован не сегодня, так завтра, и в его лице будет ликвидирован или почти ликвидирован пушкинизм в целом. Для советского пушкинизма настают времена, когда, как всему живому в России, ему придется уйти в подполье.

Это будет вполне естественно, ибо большевикам не нужен и вреден не только пушкинизм, но и прежде всего — сам Пушкин.

